

САМАРСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ ВETERANОВ (ПЕНСИОНЕРОВ)
ВОЙНЫ, ТРУДА, ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
МОО «САМАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЦЕНТР В. ШУКШИНА»
ОБЩЕРОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ «НАШИ ВОЙНЫ ВЕКА XX»
ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЩИТ И ЛИРА»

ЗАВЕТ ВЕТЕРАНА

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
В.И. ЧУДАЙКИН

*«Мы понимали, что не с блинами нас ждут там,
а со свинцовыми пулями!»*

Самара, 2020 г.

**Броня крепка,
и танки наши
быстры!**

Владимир Иванович Чудайкин (родился 24 февраля 1925 года в деревне Поповка Краснослободского уезда Пензенской губернии, ныне Темниковского района Республики Мордовия) – Герой Советского Союза. С 1940 года жил в городе Куйбышев (ныне Самара), где в первые годы войны работал на авиационном заводе при школе фабрично-заводского обучения.

В Красной армии с апреля 1944 года. Прошёл обучение в 29-м учебном танковом полку в городе Верхний Уфалей Челябинской области. Участник Великой Отечественной войны с ноября 1944 года. Воевал на 1-м Белорусском фронте в должности командира орудия танка Т-34-85 269-го танкового батальона 23-й танковой бригады. Участвовал в освобождении Польши и боях на территории Германии. Был дважды ранен.

После войны продолжал службу в бронетанковых войсках в составе Группы советских войск в Германии. Окончил курсы младших лейтенантов. В 1950 году был уволен в запас.

В 2000 году присвоено воинское звание майора. Вернулся на родину. Работал заместителем председателя райисполкома в Мордовии. В 1959 году переехал в город Куйбышев, где около 40 лет проработал на Куйбышевском металлургическом заводе. Живёт в городе Самара, Почётным гражданином которого он является. Возглавляет Совет ветеранов Кировского района города.

Представьтесь, пожалуйста.

Я – Чудайкин Владимир Иванович. Родился 24 февраля 1925 года. Родом я из села Поповка Пензенской губернии, из крестьянской мордовской семьи. Окончил начальную школу. Затем жизнь и судьба мои сложились так, что в начале Великой Отечественной войны я жил в Куйбышеве, как сейчас говорят в «запасной столице» нашей Родины. Я учился в школе ФЗО (фабрично-заводского обучения), но в связи с переездом многих эвакуированных в Куйбышев заводов, нашу школу досрочно отправили работать на авиационный завод № 18 имени Ворошилова и авиационный завод № 1 имени Сталина. Мы работали на выпуске самолётов Ил-2. Работа на этих заводах началась, когда на многих цехах даже не было крыш. Но при этом уже выпускали готовые Ил-2. В 1943 году мне исполнилось 18 лет. Я отработал на заводе уже два полных года, и мне хотелось, как комсомольцу, пойти в армию защищать нашу Родину.

Но нас не брали в армию, у нас была бронь. Не было у нас даже паспортов, жили мы с красной карточкой - «бронью». К тому времени с фронта стали прибывать раненые и инвалиды войны, которые стали устраиваться работать на наш завод. Нам, молодым, подсказали, что попасть в армию можно, пойдя на рынок, где каждое воскресенье при выходе с рынка проверяли документы. Наша группа, где-то пять или семь человек, пошла на рынок, и при выходе у нас стали проверять документы. Мы сказали, что документов у нас нет, и нас под сопровождением отправили на вокзал, на призывной пункт.

Там мы были два дня. На пункте была создана комиссия из офицерского состава. Прибыли представители многих частей Красной армии, они набирали призывников в военные школы: танковые, артиллерийские, пехотные. На комиссии я вытащил свою карточку брони и комсомольский билет. Они, увидев это, стали ругаться и говорят, что я пойду или в штрафную роту, или обратно на завод. Но за меня заступился один офицер, который стал просить: «Давайте мы этого Чудайкина возьмём в танковую школу». Действительно, меня на завод обратно не отправили, а взяли в танковую школу.

Позже, когда я уже учился в танковой школе, мне написала мать. К ней домой пришли и разыскивали меня. Дело в том, что в школе ФЗО многие не выдерживали режим работы, и специальные команды разыскивали этих беглецов. И вот завод сообщил, что «Чудайкин сбежал с завода». Пока вся эта бюрократия разбиралась, начался розыск. Но всё закончилось благополучно.

В Верхнем Уфалее в Челябинской области была моя танковая школа на базе 29-го учебного танкового полка. Её я закончил с отличием, и мне сразу присвоили звание «старшина» за отличную учёбу. Нас направили в Нижний Тагил. Там в воинской части формировался полк. Сформировали несколько танковых батальонов, рот и взводов, в том числе маршевые роты. Происходило комплектование по экипажам, взводам, ротам и батальонам. Наш батальон получил 21 танк Т-34-85. До этого, как вы знаете, завод выпускал Т-34-76, с пушкой калибра 76 миллиметров, но мы получил уже новые танки. Это был 1944 год. Дали нам эшелон, загрузили танки, на каждой платформе – по одному танку, закрыли

их брезентом, прицепили вагон, где мы проживали, и поехали мы на фронт в Польшу. Там, на месте, уже был один батальон, частично сохранившийся после боев. Командование его реформировало, часть бойцов отправили в другую часть, а часть – оставили. И так сформировался 2-й танковый батальон 23-й танковой бригады.

А помните ли вы свой первый бой?

В моём первом бою я был заряжающим в танке. Это было на Висле, где сгорел и погиб наш танк... Меня всегда спрашивают школьники: «страшно ли на войне?» «Ну, конечно, страшно», – отвечаю я им. «Ну, а в принципе, когда больше страшно?» – спрашивают они. Особенно страшно, когда экипаж занимает свои места, работает двигатель, и все сидим молча. Идёт артподготовка где-то 30–40 минут. Вот эти 30–40 минут – самые, я считаю, тяжёлые. Неприятные ощущения, каждый думает о том, что ждёт нас впереди. Мы понимали, что не с блинами нас ждут там, а со свинцовыми пулями. Артподготовка закончилась, сорок минут истекли. Команда – вперёд!

Нашему батальону дали задачу: пройти через передний край линии фронта и на больших скоростях пробиться вглубь обороны противника. Как оказалось, перейдя Вислу, наши части несколько раз заходили в тыл к врагу. Я, как рядовой человек, тогда об этом не знал. И вот мы в двенадцать часов с боями прошли через передний край и наступали. На одной из полей на дорогу вышла какая-то вражеская воинская часть, которая, видимо, следовала для поддержания своих. Мы напали на эту воинскую часть, и с двух часов до шести часов вечера эту воинскую часть разгромили полностью. Наступал вечер, впереди был лес, и нам желательно было остановиться.

Но дали задачу: двигаться дальше. Идёт наш батальон – три танка и четвёртый танк немного позади шёл. И тут мы увидели красную ракету. Немцы очухались и успели в лесу развернуться. Расставили несколько орудий. Ракета засветилась, и наш танк моментально встал. Был сильный удар по танку, свет вырубился. Я успел только на ноги встать, как второй удар! И танк сгорел. Весь экипаж – четверо, исключая меня, сгорели заживо. Я спрыгнул с танка, бегу, снег кругом. Четвёртый танк, идущий чуть позади нас, остановился, и механик-водитель загасил меня в*люк. После боя прихожу в воинскую часть, комбат спрашивает: «Ну, что там?» А что я мог сказать? Только утром, когда пришли к месту боя, мы увидели наши три сгоревшие танка. Из них мы выгнали останки наших танкистов. Таким был мой первый бой.

Посадили меня на второй танк командиром орудия, наводчиком. Уже последние бои в Польше были, вышли на границу с Германией. Мой танк ещё раз подбили. Меня легко ранило в чашечку колена правой ноги. Механика-водителя нашего ранило. Тот пошёл в госпиталь, а я – в медсанчасть. Немного подлечился и на третий танк. Так я оказался на территории Германии.

Примерно 25 или 26 апреля 1945 года мы подошли к Берлину. В Берлине погиб командир танка и механик-водитель. Остались мы втроём...

А за какой бой вам присвоили звание Героя?

Я уже был в должности командира танка, как старший по званию. Для танкистов бой в городах вдвойне опасен. Едешь ты по улицам Берлина, везде немцы – кто в подвале сидит, кто на крыше, в окнах. В

том числе фаустники, страшное оружие против танков эти фаустпатроны, оно расплавляет броню. Это даже опаснее, чем снаряд. Наш танковый батальон поддерживал пехотинцев в Берлине, а они помогали нам – уничтожали фаустников. Вдруг перед нами задымился наш танк. Прямо на поле боя. Двигаться и стрелять нам было нельзя. Я выскочил из танка, подбежал к нему. Близко подходить было нельзя, потому что танк мог в любой момент взорваться, ведь шёл дым из люков.

Я помог потушить этот танк и эвакуировать его с поля боя. Что значит буксировать на поле боя танк? Попробуй, одень эту металлическую цепь в условиях боя! Да ещё и тушить его пришлось. После этого мы поехали дальше и подошли к мосту через Шпрее, недалеко от рейхстага. Командир батальона Ярцев приказал: «Чудайкин, давай первый через мост отправляйся на тот берег!» Мост очень сильно обстреливался. К счастью, на той стороне уже был небольшой плацдарм, занятый нашими пехотинцами. И для нас всё прошло удачно. Мост уже был частично разбитым, но мы немножко разогнали танки и перескочили на тот берег. Поддержали наших пехотинцев – тот самый корпус, который штурмовал рейхстаг. Вообще каждый перекрёсток и квартал в Берлине, да и в других городах, сильно обстреливались. Прямо, сбоку, немцы везде ставили орудия на перекрёстках и отстреливались.

В некоторых публикациях о вас пишут, что вы стреляли из танка по рейхстагу. Так ли это?

Нас, танкистов, на площадь не пустили, а позже вообще вывели из Берлина. По зданию рейхстага я не

стрелял, там уже были наши пехотинцы на первом этаже. Нельзя было стрелять по зданию. Наш танк близко к рейхстагу не пустили. До подхода к Шпрее стреляли. А потом только помогли расчистить плацдарм для нашей пехоты, и дальше она уже сама воевала. Мы старались стрелять по немецким «гнездам». Вообще, мы, танкисты, сидели как мыши в танке, выходить было нельзя, кругом немцы. Хотя мы проезжаем, а немцы сзади остаются, в подвалах сидят. Стреляли мы почти всё время. Так и взяли с боями Берлин. Немцы были не только в рейхстаге, ведь ударили по нашему танку у рейхстага сбоку. Бои в Берлине закончились, как вы знаете, 2 мая. А Знамя Победы было водружено в ночь с 30 апреля на 1 мая.

Первого мая, примерно часов в десять-двенадцать, мой третий уже по счёту танк подбили. Меня ранило второй раз, и я уехал в госпиталь. Получил лёгкое ранение от осколков самой брони. Последние годы войны немцы по танкам били болванками. У них не было снарядов, и они делали болванки для борьбы с танками. При ударе о броню просто пробивает броню и всё. Но когда такая горячая штука попадает в топливо, танк взрывается.

Владимир Иванович, как Вы оцените медицинскую помощь, которую вам оказывали на фронте?

Медицинская помощь была отличной, претензий в этом отношении нет. Старались, и питание было хорошим. Да, и на фронте оно было хорошим. В нашей части точно, за другие говорить не буду, не знаю.

Что из себя представлял разрушенный Берлин?

Разрушен был сильно, но ещё до нас. Американская и английская авиация его хорошо разбомбила. Хотя в печати говорят в основном про Дрезден.

Где вы встретили день Победы?

Сообщили об этом ночью 9 мая. Я был в госпитале. Дали нам чарку по 100 грамм, все раненные вышли на улицу, многие на костылях, и кричали: «Победа! Победа!» Для нас бои закончились 2 мая в Берлине, а для других – 9 мая в Чехословакии, хотя многие немцы ещё сопротивлялись.

Когда и кто Вам вручил Звезду Героя?

Я ведь из госпиталя сбежал! Вышел гулять, увидел машину с треугольником нашего корпуса. Я подошёл и говорю: «Заберите меня!» Водитель меня забрал, я пришёл в воинскую часть, доложил комбату. А на другой день меня вызывает СМЕРШ. Дело же было в Германии, а тут пропал раненый человек, сбежал из госпиталя. Вот сотрудник СМЕРШа со мной и побеседовал. (смеётся) Ну, и когда я доложил комбату о прибытии, комбат мне говорит: «Мы пять человек, в том числе тебя, представили к званию Героя Советского Союза». Указ о присвоении мне звания Героя вышел 31 мая 1945 года. Там был не только я, но и другие награждённые за Берлинскую операцию. Газета «Правда» опубликовала их имена, там почти человек 400 было. Указ несколько дней публиковали, с продолжением. 3 июня комбат принёс мне эту газету с моей фамилией, и я эту газету выслал по почте домой. Мне потом, как Герою Советского Союза, давали талоны на товары, я ещё сравнивал: вот командиру полка давали книжку для получения товаров и мне, Герою, книжку давали.

Какие чувства вы испытали, получив звание Героя Советского Союза?

Я, по совести говоря, даже не понял ничего. Я – обычный человек. Никакой радости или особых чувств у меня не было. И сейчас я чувствую себя обыкновенным

человеком, я ничем не отличаюсь. Когда я выступаю перед школьниками, то говорю: «Главные победители и герои – это те, кто отдал на поле брани свою жизнь. Не только в 1945 году, но и те, кто от Брестской крепости отступал с боями до Москвы, все те, кто ковал победу, без них, без этих людей её бы не было. Герои – те люди, которые отдали дань на алтарь Победы. Благодаря этим людям мы живём в настоящее время».

Владимир Иванович, возвращаясь к предвоенному времени. Сдавали ли вы нормы ГТО? Была ли подготовка ОСОВИАХИМа?

Нет. Не знаю почему. Когда я учился в начальной школе, один комсомолец с нами занимался там. А потом в 1940 году я переехал в Куйбышев.

Вы участвовали в параде 7 ноября 1941 года в Куйбышеве?

Мне было 16 лет. В военном параде я не участвовал, а вот на демонстрации был. Как раз наша школа ФЗО после военных прошла маршем. Я видел самолёты над Куйбышевом, но как маршировали военные я не видел.

Какие настроения были в Куйбышеве в годы войны?

1942 год был очень тяжёлым, да и 1943 год тоже тяжёлым был. К 1944 году уже всё наладилось. С питанием было плохо. У нас был так называемый юнгородок, полубараки, около 200 человек нас жило. ФЗОшники приехали из Сталинграда, все были без родителей. Представьте – нам по 16–17 лет, дают нам продуктовые карточки. Там мука 55 грамм, хлеб и тому подобное. Но, во-первых, мы не могли их отоварить, во-вторых, негде было хранить и варить. Получали

хлеб и таскали его с собой. Но к счастью, директор завода, где работали ФЗОшники, запретил тогда выдавать продуктовые карточки и организовал специальный зал для ремесленников. Там выдавали нам талоны – на завтрак, обед, ужин. Хорошо помню, как в 1942 году видел немецкого разведчика – «раму», над городом. Зенитки стреляли, но били невысоко. В бараках были и военруки, которые коротко сообщали нам о ситуации в стране. Но нам некогда было их слушать, мы работали как минимум часов шестнадцать в день. Так что тут скажешь...

Приходилось ли Вам слышать выступления Сталина по радио?

Я до сих пор помню его слова: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас непобедимое знамя великого Ленина!» Это вот такая короткая речь Сталина 7 ноября 1941 года.

Владимир Иванович, как обстояло дело с питанием на фронте?

Горячее было. Если боёв нет, то днём ели, а если бой – то вечером, после боя. Был НЗ-паёк, но мы его ещё до боёв съели, когда ехали из Нижнего Тагила до Польши. Я никогда не курил и всегда отдавал свой табак.

Какие взаимоотношения были между бойцами?

У нас, у танкистов, было всё понемного по-другому, не так как в пехоте. С одного котелка ели, и командир с нами. Чинопочитания, я считаю, почти не было. Все выполняли свой долг, кто что обязан делать.

Как обстояло с гигиеной на фронте? Где вы спали?

Помню, только один раз за всю зиму мы мылись. На отдыхе баню организовали. Бельё меняли и дали чистые гимнастёрки. Спали в основном в танке, кто как сумеет.

Что выдавали из обмундирования на зиму?

В основном у нас были кожаные комбинезоны, а зимой выдавали полушубки. В том числе, чтобы легче было выпрыгнуть из танка.

Правда ли, что танкисты ездили с открытыми люками?

Вот на этом моменте я хотел бы остановиться. Когда мой первый танк погиб и сгорел, я выжил благодаря следующему моменту: когда стреляешь из танка, то в башне скапливается много газов, которые остаются от выстрелов. И танкисты угорают. И когда мы в том бою были, я держал люк открытым, чтобы газы выходили, и это меня спасло. А те товарищи, которые держали люки закрытыми, не сумели их открыть и погибли. А вообще, когда идёт бой, то, конечно, старались закрывать люки.

Держали ли люк на ремне?

Нет. У люка есть пружина. Когда он открыт до конца, она фиксируется, а когда просто едешь и люк на ремне, то он хлопает, т.к. защёлка не закрывается. А у механика-водителя посложнее, там люк закрывается совсем.

Владимир Иванович, как Вы считаете, уровень подготовки бойцов соответствовал необходимому?

Я, когда учился, нам дали хорошую подготовку в учебном полку. Что такое орудие, мы выучили. Откатный тормоз, который накачен жидкостью и воздухом, тоже хорошо изучили. Пулемёт изучали, почему он авто-

матически стреляет. Огневую подготовку прошли. Прямой выстрел на тысячу метров с 85-мм орудия мы делали. Поставили шкалу 10, и по танкам только надо наводить и не менять. Мы это тоже хорошо знали. Так что всё, что нужно было знать, я в танковой школе получил. К сожалению, когда шло пополнение из пехоты во время маршей, то они, конечно, орудие не знали. Да и подготовлены не были.

Писали ли Вы домой письма? Получали ли Вы их в ответ?

Да, конечно, писали письма.

Как обстояло дело с национальным вопросом в Красной армии?

Ой, у нас экипаж был интернациональный. Два мордвина, в том числе я, татарин, русский и башкир.

Как Вы узнавали о положении дел на фронте и событиях в стране?

У нас был очень грамотный почтальон, я хорошо его запомнил. Он приносил почту и газеты, и, когда у него было свободное время, он нам рассказывал, что где происходит, какие бои, где наступление, а где отступление. Короткая, но нужная информация. Ну, замполит у нас был, майор Сергеев, он собирал нас и проводил беседы. Парторг тоже был, совещания делали, работали. Все свои обязанности выполняли хорошо.

С фаустниками впервые столкнулись в Германии или в Польше?

Они уже в Польше были.

Как с ними боролись?

Нечем было от них защититься, потому что эта болванка приклеивается к броне, а стержень расплавляет

отверстие и струя идёт в башню. Если попадёт в топливо, то моментально загорится.

Какие у вас были на вооружении снаряды?

Внизу танка лежали осколочные снаряды, я точно не помню количество, вроде 46. Двенадцать броне-бойных – в днище башни, и подкалиберных штук пять или шесть. Вот подкалиберный снаряд – это до пятисот метров надо бить по танкам, а дальше пятисот это бесполезно, т.к. скорость меняется. Бронебойный – на расстоянии 1.000 метров по танку.

Как взаимодействовали танкисты с танковым десантом?

У нас был один такой момент. Когда мы вошли в тыл противника, с момента, как мы перешли Вислу, и до того момента, как наш танк подбили, с нами сидел лётчик на башне, с ракетой. И наша авиация над нами летела, и они держали с нами связь, потому что мы в тылу находились и корректировали огонь, чтобы они по нам не ударили.

Как встречали вас жители освобождённых городов и селений?

В Польше... Вообще, это не для печати. Ночью нельзя было ходить в населённые пункты. Поляки мстили нам. Хотя днём они встречали хорошо, с самогонкой и цветами, но ночью нам не рекомендовали ходить. Но мы особо и не останавливались, вперёд шли. В Германии немецкое население отступало далеко на запад. Мы встречали очень мало людей. Немцы исключительно исполнительный народ. Они режим дня соблюдали, на улице ночью не болтались. И мы ходили свободно после войны. У меня с гражданскими немцами уже после

окончания войны очень хорошие отношения были. Я всё в квартире у немцев держал, в казарму не брал, и ничего не пропадало. Мне нравилась их исполнительность: им сказали, и они всё выполнили. Ходил везде, разговаривал, всё было хорошо.

Что Вас вдохновляло и поддерживало в войну?

Каждый человек любит свою семью, свою деревню, свою страну. Как бы мы плохо не жили, а моё детство было тяжёлое, но мы любили свою Родину. Понимаете, я до сих пор люблю и вспоминаю свою деревню. У нас даже не было радио. Вот в такой глухой деревне я жил. Но всё равно – Родина!

Владимир Иванович, какое у Вас отношение к Сталину?

Мы Родину и Сталина никогда не разделяли. Это одно и то же для нас было. Так сказать – символ патриотизма. Мы очень верили Сталину.

Попав на фронт, вы впервые попали в Европу – в Польшу и Германию. Что вас больше всего поразило?

Во-первых, поляки по-разному встречали Красную армию. Нас, например, встречали очень хорошо. Я помню, как нас, танкистов, угощали самогонкой, как бросали цветы, обнимались. А что запомнилось больше всего в Германии – это быт и условия того, как жили немцы. Я, например, родом из глухого села, а здесь увидел в простых деревнях такую вещь, как лампочка, причём везде – даже в подъездах и на каждом доме. А колокольчик, по-современному домофон, когда звонишь им в дверь? И никто эти лампочки не разбивал и не воровал. Вот такие вещи для нас были необычными... А в каких домах они жили, как они были

построены... И ещё я хотел бы отметить железную дисциплинированность немецких людей. У них в голове было заложено – всем действовать организованно, по команде.

Сейчас много фальсификаций, наговоров на Красную армию и её бойцов, что, мол, были изнасилования и мародёрства.

Нет, это ничего не было, это современные провокаторы пишут. Если и были такие случаи, то единичные. Ведь это строго пресекалось, у нас начальство запрещало жестоко обращаться с мирным населением. И потом наш человек – это же не фашист, он не будет сжигать дома, убивать мирных граждан. Отношения были хорошие. Я до 1950 года в Германии служил, нормально и дружелюбно с немцами жили.

Было ли к вам особое отношение, как к Герою, когда вы вернулись в СССР и работали на заводе?

Нет, сначала никакого не было особого отношения. Как простой человек жил, и все трудности с женой преодолевали – и тесные жилищные условия и прочее. Это уже когда обо мне рассказали Павлу Петровичу Мочалову, Герою Социалистического Труда и первому директору завода, то он, этот замечательный человек, стал мне симпатизировать, помогать. Дали нам изолированную комнату, потом уже я получил квартиру. И везде на мероприятия и памятные даты всегда он меня приглашал, и в президиум сажал, и выступить просил.

А в каких условиях жили?

Такого комфорта, как сейчас, не было. Поженились, приехали работать в МТС (машинно-тракторная станция), дали нам комнату, потом – квартиру.

Мебели не было, денег на неё тоже. Работники конторы помогли – дали какую-то старую кровать из сарая. Сшили наволочку, набили соломой, вот тебе и перина. Подушку и одеяло жене мама дала в качестве приданого. Я поехал в город, купил посуду, всего по две штуки – две чашки, две тарелки, две кастрюли. Вот так и жили.

Что такое счастье? Счастье – это жизнь. Счастье – это хорошая семья. Счастье – это общение с людьми. Счастье... Вот идёшь по улице, видишь солнце, встречаешь на улице радостных людей – это тоже счастье. Жизнь была тяжёлая, не до праздников было. Но я всё равно счастливый человек. Ведь 90 с лишним лет – это много. Мои товарищи, участники войны и труженики тыла, многие уже ушли из жизни. А я вот ещё жив. Мы дни рождения, честно, скажу, в молодости не отмечали, да и день Победы стали отмечать только при Брежнев в 1965 году.

Владимир Иванович, что бы вы хотели пожелать нашей молодёжи?

Пожелание молодёжи? Это сложный вопрос. Конечно, любить Родину, защищать её везде и всегда. Последние пять лет мы чувствуем, как в стране растёт патриотизм. Но, между нами говоря, вот призывают всех хорошо работать. Вопрос: на кого работать? Я работал на государство. А сейчас на кого работают? На миллиардеров, которые нефть качают. Понимаешь? Вот как воспитывать патриотизм? Идеал, конечно в первую очередь, это – защита Отечества, защита родной земли, Родины. Но вот на кого работать?... **НА РОССИЮ, ДЛЯ НАРОДА, СТРОЯ СОБСТВЕННУЮ СУДЬБУ!**

*Интервью Михаила Зиновьева,
руководителя проекта «Наши воины века XX».*

**Из наградных листов:
Герой Советского Союза с вручением ордена
Ленина (Золотая Звезда № 6992, Указ от 31.05.1945)**

Командир орудия старший сержант Чудайкин за время пребывания в батальоне показал себя как дисциплинированный и требовательный младший командир.

В боях за город Берлин в период штурма рейхстага 1 мая 1945 года, одновременно выполняя должность командира орудия и командира танка, находясь в штурмовой группе, выдвинулся вперёд, где уничтожил ДЗОТ, мешающий продвижению пехоты, и стал поддерживать огнём наступающую пехоту. В это время находящийся впереди танк был подбит и загорелся, мешая продвижению танка Чудайкина. Товарищ Чудайкин выскочил из танка, потушил горящий танк и эвакуировал его с поля боя. После чего вновь совместно с пехотой продолжал штурм рейхстага.

В этом бою уничтожил противотанковое орудие противника и до 30 гитлеровцев. Целый день вёл бой отважный сержант с противником, обеспечивая продвижение штурмовых групп. Будучи тяжело ранен, несмотря на сильный артогонь противника, сумел вывести танк с поля боя.